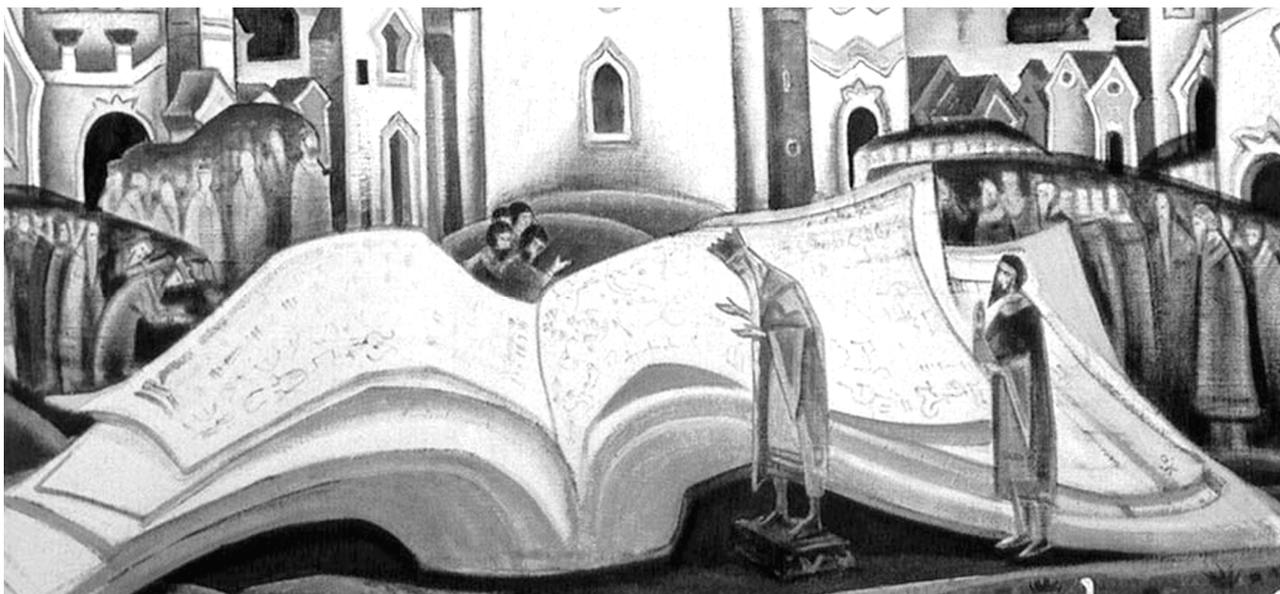


## СИМВОЛ ЭПОХИ: ЛЮДИ, КНИГИ, СОБЫТИЯ



Голубиная книга. Художник Н.К. Рерих. 1922. Фрагмент

УДК 8(271.2-528:801.73)(470)Мурьянов



Чернышева М.И.

### М.Ф. Мурьянов и его статья «Золото в лазури»<sup>1</sup>

Чернышева Маргарита Ивановна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

E-mail: margarita-i-chernysheva@j-spacetime.com; chernysheva@bk.ru

Статья отражает одно из новых направлений интересов автора – восстановление неявного и отчасти забытого смысла слов и объяснение традиционной символики. В ней представлен краткий очерк научной биографии одного из основоположников современных исследований византийско-славянской гимнографии – М.Ф. Мурьянова и, одновременно, опыт комментированного прочтения его статьи «Золото в лазури».

**Ключевые слова:** Михаил Федорович Мурьянов, богослужбная миная, византийско-славянская гимнография, иконография, символика света и трёх основных цветов.

В области исследования византийско-славянской гимнографии, можно сказать, наступил золотой век – так много появилось в последнее время разработок и публикаций самого высокого качества. Михаил Федорович Мурьянов не дождался до этого времени всего лишь пять-десять лет.

После многолетнего перерыва, когда у нас почти позабыли, что такое религиозные песнопения, возрождая дело Ватрослава Ягича<sup>2</sup>, немногие шли на риск, обращаясь к гимнографии, среди них –

<sup>1</sup> Статья представляет собой расширенный и дополненный вариант публикации: Чернышева М.И. «Золото в лазури» (Памяти М.Ф. Мурьянова) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2011. № 4 (26). С. 7-20.

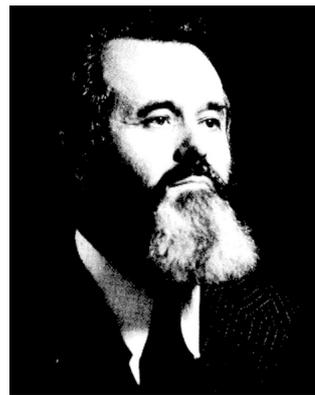
<sup>2</sup> Ватрослав (Игнатий Викентьевич) Ягич (хорв. Vatroslav Jagić, 1838–1923) – выдающийся австрийский и российский филолог-славист, лингвист, палеограф и археограф, один из крупнейших экспертов в области славянского языкознания. Академик Петербургской Академии наук (1880), основатель (в 1876 г.) первого славянского специального журнала в области филологии (Archiv für slavische Philologie). (Прим. ред.).

Михаил Федорович Мурьянов. Для того чтобы постичь предмет до самых глубин, он не только изучил всю доступную литературу по этому предмету, вступив в переписку с европейскими учеными, не только «перелопатил» и скопировал множество древних славянских минейных рукописей и выучил для их правильного понимания греческий язык, но – что значительно важнее – прикладывал усилия, чтобы воспринять и усвоить духовный опыт, дабы восстановить в самом себе заглушающую православную струю. Посещения служб ему казалось мало, и он – неслыханное дело для советского человека 70-х гг. XX века – поехал на юг, поселился в монастыре и «брал уроки» у монаха. К сожалению, при жизни он не успел (или не захотел?) издать ни одного минейного памятника, хотя две рукописи XI в. – Миняя Дубровского и Путятиня Миняя – были полностью подготовлены им к печати: он бесконечно шлифовал и шлифовал свою работу.

Времена В. Ягича давно миновали, и гимнографию приходилось открывать заново. Тогда он был первым, кто стремился не просто аккуратно, в соответствии со сложившимися к тому времени европейскими стандартами эдиционной практики, подготовить рукопись богослужебной минеи к печати, он не просто ставил целью до конца раскрыть иногда с трудом поддающийся пониманию синтаксис гимнографических песнопений, – этого ему было мало – он вживался в византийско-славянскую гимнографию через свой собственный исследовательский метод, излагая соображения особым языком и специально выработанным способом изложения, почти недоступным для разума тогдашнего неподготовленного советского читателя; восстанавливал и выстраивал традицию, находил параллели в ней самой, в мировой и русской литературе и культуре, а потом, поймав полюбившуюся мысль, выводил ее из исконной словесной материи то в мир изобразительного искусства и иконописи, а то и за пределы гуманитарных исканий куда-нибудь – в физику (вспомним его статьи, наделавшие столько шума в филологической среде о понятиях и словах «Время»<sup>1</sup> и «Сила»<sup>2</sup>).

Его первое образование было инженерным – он окончил тогдашнее Высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана. Видимо, какой-то период времени мир техники увлекал его: известно авторское свидетельство об изобретении № 22879, выданное в 1961 г. Но однажды он «сбежал» от технических занятий в филологию, потому что стал задыхаться среди железок и чертежей. (Здесь что-то, надо думать, объясняет выдержка из письма Владимира Соловьева, совпадающая по времени с переходом будущего поэта и философа с физико-математического на историко-филологический факультет Московского университета, приведенная М.Ф. Мурьяновым в статье «О первом стихотворении Вл. Соловьева»<sup>3</sup>: «Эта “наука” не может достигнуть цели. Люди смотрят в микроскопы, режут несчастных животных, кипятят какую-нибудь дрянь в химических ретортах и воображают, что они изучают природу! Этим ослаб нужно бы на лбу написать: Природа с красоты своей / Покрова снять не позволяет, / И ты машинами не вынудишь у ней, / Чего твой дух не угадает. Вместо живой природы они целуются с мертвыми скелетами»).

Итак, он снова отправился учиться. На кафедре немецкой филологии Ленинградского университета Михаил Федорович получил новое образование (1961). После аспирантуры защитил кандидатскую диссертацию «Реконструкция романо-германских средневековых рукописей (на материале ленинградских собраний)» (1966). Безусловно, высокоинтеллектуальная среда петербургских (тогда: ленинградских) филологов, в которую он попал и где учился, не могла не сделать свое дело. Счастливые встречи и добрые отношения с учителями-академиками, высокообразованными учеными-энциклопедистами старой выучки, сформировали его как филолога: академик В.М. Жирмунский<sup>4</sup> был его научным руководителем во время прохождения аспирантуры, М.П. Алексеев<sup>5</sup>, о ко-



Михаил Федорович Мурьянов (1928–1995), филолог, один из ведущих специалистов по древней славянской книжности

<sup>1</sup> Мурьянов М.Ф. Время (понятие и слово) // Вопросы языкознания. 1978. № 2. С. 52–66 (переизд.: Мурьянов М.Ф. История книжной культуры России. Очерки. Ч. 1 / Сост. Т.А. Исаченко. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2007. С. 307–324; далее: Мурьянов М.Ф. История... Ч. 1).

<sup>2</sup> Мурьянов М.Ф. Сила (понятие и слово) // Этимология 1980. М.: Наука, 1982. С. 50–56 (переизд.: Мурьянов М.Ф. История... Ч. 1. С. 325–331).

<sup>3</sup> Вл. Соловьев дал стихотворный перевод нескольких строк из монолога Фауста после разговора с Вагнером (Мурьянов М.Ф. История книжной культуры России. Очерки. Ч. 2. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2008. С. 321).

<sup>4</sup> Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) – лингвист и литературовед, академик АН СССР, автор трудов по немецкой и общей диалектологии, истории германских языков, теории грамматики, тюркологии, истории немецкой и английской литературы, сравнительному литературоведению, теории эпоса, стиховедению. (Прим. ред.).

<sup>5</sup> Михаил Павлович Алексеев (1896–1981) – литературовед, академик АН СССР (1958), автор трудов по русской и западноевропейской литературе и их взаимному влиянию. Председатель Советского комитета славистов при АН СССР (с 1970), председатель (1958) и вице-президент (1970) Международного комитета славистов. (Прим. ред.).

тором он отзывался всегда с огромным уважением и почтением, стал его наставником и постоянным собеседником.

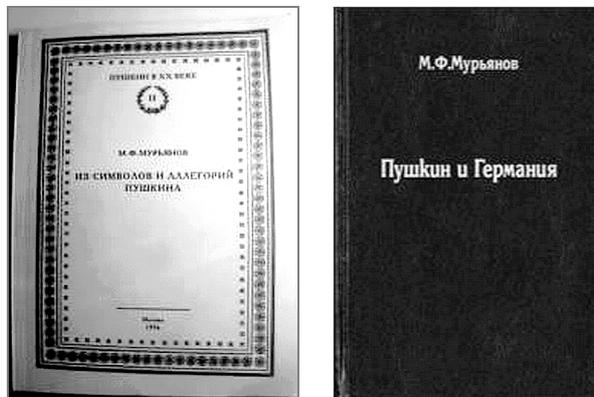
Сказалось ли впоследствии в его филологических работах первое техническое образование? (Кстати, недоброжелатели намертво окрестили его «технарем»). Конечно, сказалось – но дело не в этом. В посттехнический период постепенно в его творчестве все стало сплетаться. Знание математики, физики, техники не было забыто и не просто «случайно» всплывало, но сознательно использовалось для усиления гуманитарной аргументации (заметим в скобках, что две первых публикации отражают переходный период, балансируя на грани техники и филологии: «Происхождение слова “артиллерия”» (1959) и «Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием» (1960), а ровно через десять лет после его первой статьи в журнале «Судостроение» появится маленькая заметка о термине «корабль»). Над всем этим не просто возобладала, но – воцарила! – гуманитарность в самом широком ее понимании и проявлении (в его речах постоянно звучал протест против насильственного расчленения единой филологии на лингвистику и литературоведение – возможно, сказывалось влияние петербургской филологической школы). Впрочем, его сознание все воспринимало в многослойно-многогранной взаимосвязи.

С 1968 по 1970 г. он был директором лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР в Ленинграде. Зная характер этого в высшей степени эмоционального человека, легко догадаться, что все это время Михаил Федорович стремился исключительно к самостоятельной и индивидуальной научной работе.

В 1970 г. осуществилась мечта: в течение шести лет он работал в Пушкинском доме.

Первые филологические статьи М.Ф. Мурьянова написаны в основном на немецком (реже – французском) языке. В 1960-х гг. он печатался в Германии, Швейцарии, Франции и Италии. Тогда ведущей в его творчестве была романо-германская проблематика, разрабатывавшаяся во многом на материале ленинградских рукописных собраний.

Но уже в 1966 г. в двух работах – «К культурным взаимосвязям Руси и Запада в XII веке»<sup>1</sup> и «Andreas der Erstberufene im mittelalterlichen Europa»<sup>2</sup> – он обращается новой тематике. Начиная с этого времени, нащупывается и постепенно формируется «сакральная» и «древнерусская» линия интересов (Андрей Первозванный, Святой Николай, Алексей Человек Божий; возникает особое внимание к Нередицкой церкви – ей посвящено, по крайней мере, три статьи). Эта линия в дальнейшем будет развиваться, углубляться и, в конце концов, станет определяющей.



Обложки монографий М.Ф. Мурьянова «Из символов и аллегорий Пушкина» (Москва, Наследие, 1996) (слева), «Пушкин и Германия» (Москва, Наследие, 1999) (справа)

В начале 1970-х гг. в научном творчестве М.Ф. Мурьянова появилось еще одно исследовательское направление, навсегда оставшееся любимым, – пушкинистика. Из семи статей, вышедших в свет в 1971 г., четыре были посвящены пушкинской лирике. Кто бы мог тогда подумать – на самом деле он написал не отдельные статьи, о которых было известно по публикациям, а несколько крупных трудов о Пушкине! Машинопись законченных книг так и лежала в течение многих лет в аккуратных папках, и только после смерти автора в 1995 г. усилиями преданной Изольды Викторовны, его вдовы, книги увидели свет. Это: «Пушкинские эпитафии» (1995), «Из символов и аллегорий Пушкина» (1996; первоначальное название: «Пушкин и Русь»), «Пушкин и Германия» (1999).

В 1976 г. Михаил Федорович переезжает в Москву. Работа в Институте русского языка РАН вывела его в совершенно новую область. 1981 год, год «Лермонтовской энциклопедии»<sup>3</sup> (где ему принадлежит 23 статьи, в полной мере раскрывающие его энциклопедизм), стал поворотным моментом в его творческом движении, что означало обращение к византийско-славянской гимнографии. В этом году было опубликовано сразу три работы на эту тему: «О Минее Дубровского»<sup>4</sup>, «О работе И.В. Ягича над служебными минеями 1095–1097 гг.»<sup>5</sup> и «Из наблюдений над структурой служебных Миней»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> *Ricerche slavistiche* XIV (1966): 29–41.

<sup>2</sup> *Sacris Eruditi. Steenbruge* XVII.2 (1966): 411–427.

<sup>3</sup> Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981.

<sup>4</sup> Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 121–141.

<sup>5</sup> Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 93–105.

<sup>6</sup> Проблемы структурной лингвистики. 1979. М.: Наука, 1981. С. 263–278.

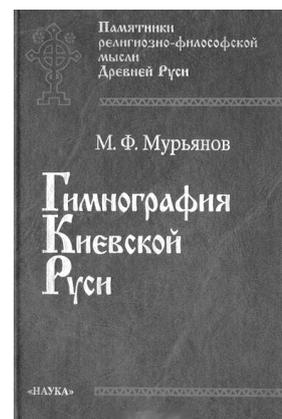
Начатый в конце 1970-х гг. титанический труд по возрождению научного интереса к гимнографии – то, что называется теперь гимнологией, – завершился защитой докторской диссертации «Гимнография Киевской Руси (филологическое исследование)» (1985). Нестандартность этого исследования сразу заметил и оценил О.Н. Трубачев:

«М.Ф. Мурьянов поставил перед собой сложную и новаторскую задачу. Естественно, что подходы и способы решения для такой задачи не могут быть обычными. В нашей науке такие инициативы – редкость [курсив мой – М.Ч.]. Но в принципе именно такими и должны быть докторские диссертации. Автор решал свою задачу комплексно, подчас выходя за рамки филологии в медиевистику» (из отзыва на докторскую диссертацию)<sup>1</sup>.

После кончины М.Ф. Мурьянова Институт философии РАН в серии «Памятники религиозно-философской мысли Древней Руси» опубликовал диссертацию в виде книги «Гимнография Киевской Руси»<sup>2</sup>.

Как уже было сказано, углубление в византийскую и древнеславянскую гимнографию было и строго научным, и своеобразно, разноаспектно интеллектуальным, к тому же оно сопровождалось глубоким постижением религиозного опыта и погружением в церковную жизнь. Это привело к тому, что, с одной стороны, появились работы теоретического характера, а с другой, – исследования, ориентированные на осознание понятийной и символической системы гимнографии. Мало кто знал тогда, что одновременно он копировал древнейшие рукописи служебных миней из наших хранилищ, и опять-таки только после его смерти выяснилось, что дома у него громоздятся папки рукописей, аккуратно переписанные его крупным разборчивым почерком.

Минейные тексты, с их редкой, почти забытой, лексикой и многоступенчатой поэтической символикой, служили ему бесконечным источником вдохновения. Он начал писать и выступать, но не просто не был понят, но, часто, почти освистан. Изысканный язык и довольно сложный стиль изложения, куда включался не только основной лингвистический и литературный материал, но добавлялись ассоциации и типологические параллели из других литератур, культур, фоновый материал изобразительного искусства, а также (что особенно раздражало его оппонентов) вводились рассуждения, основанные на его знании точных наук, – все это многим казалось почти путаницей. В этом он тоже был у нас первым. Тогда все повторяли, что «технар» не может заниматься всерьез филологией, и вслед ему неслось: «Мурьянов опять написал муру». О том, что у него есть второе – гуманитарное – образование слышать не желали. Он не столько жил в филологической науке, сколько отбивался и огрызался. Смелый и дерзкий был человек. Неуживчивый и конфликтный. Недругов нажил немало. Но были и восторженные поклонники. К нему, к счастью самого Михаила Федоровича, были расположены крупнейший славист-этимолог академик О.Н. Трубачев, тогдашний директор Института русского языка Ф.П. Филин (давший Мурьянову особый статус – «при дирекции») и еще несколько человек, среди них – И.Г. Добродомов<sup>3</sup>, В.П. Григорьев<sup>4</sup>, Н.Н. Лисовой<sup>5</sup>. Со временем появился и ученик – ныне известный специалист по византийско-славянской гимнологии – Р.Н. Кривко<sup>6</sup>. Перед отъездом в Америку с ним подружилась чета Страховых. Позже, посмертно, А. Страхов<sup>7</sup> издал в своем журнале *Palaeoslavica* подготовленную Мурьяновым «Путятину Миней»<sup>8</sup>. Нужно признать, что, несмотря на то что позже появилось



Обложка труда М.Ф. Мурьянова «Гимнография Киевской Руси»

<sup>1</sup> Отрывок из отзыва О.Н. Трубачева приводится в статье И.В. Мурьяновой «М.Ф. Мурьянов и О.Н. Трубачев» // Академик Олег Николаевич Трубачев. Очерки. Материалы. Воспоминания / Отв. ред. Е.П. Чельшев. М.: Наука, 2009. С. 415.

<sup>2</sup> Мурьянов М.Ф. Гимнография Киевской Руси / Отв. ред. М.Н. Громов, Т.А. Исаченко. М.: Наука, 2003. Книга содержит ценные Приложения, а также яркое «Послесловие» и библиографические дополнения, подготовленные учеником М.Ф. Мурьянова Р.Н. Кривко.

<sup>3</sup> Игорь Георгиевич Добродомов (р. 1935) – лингвист, член Российского комитета тюркологов. Автор трудов в области тюрко-славянских языковых контактов, этимолог, специалист по русской лексикологии. В своих работах использует методику реконструкции чувашско-булгарского словаря путем поиска утраченных лексем в заимствованиях в других языках (славянских, кавказских, финно-угорских и др.). (Прим. ред.).

<sup>4</sup> Виктор Петрович Григорьев (1925–2007) – филолог, специалист по творчеству Велимира Хлебникова и в целом по языку художественной литературы, прежде всего поэзии. (Прим. ред.).

<sup>5</sup> Николай Николаевич Лисовой (р. 1946) – историк Церкви, писатель, публицист, общественный деятель. Член Императорского Православного Палестинского Общества (с 1974). Член Союза писателей России (1992). (Прим. ред.).

<sup>6</sup> Вместе с Т.А. Исаченко они подготовили новое издание трудов М.Ф. Мурьянова. Роман Николаевич Кривко с 30 выпуска – главный редактор «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

<sup>7</sup> Александр Борисович Страхов (р. 1948) – поэт, этимолог, этнолингвист. С 1993 г. по настоящее время редактор и издатель международного журнала *Palaeoslavica* (Cambridge, Mass.) – издания широкого профиля в области славянских древностей, этнологии и фольклора. (Прим. ред.).

<sup>8</sup> Путятин Миней на май // *Palaeoslavica* VI (1998). С. 130–192; VII (1999). С. 140–206; VIII (2000). С. 127–221.

еще два издания этой рукописи (одно – полное, но без указания на греческий оригинал<sup>1</sup>, другое – незавершенное<sup>2</sup>), версия Мурьянова представляется наиболее удачной.

Владея высокими абстракциями, он, как недавно стало известно, делал попытки публиковаться в журнале «Вопросы философии», но, конечно же, безрезультатно. М.Н. Громов во Введении к «Гимнографии Киевской Руси» рассказал об этом:

«Он не был узким специалистом педантичного (вагнеровского...) типа. Однако он был во многом скован в своих суждениях и действиях. Ибо жил и творил в эпоху, когда гимнография, как и все древнерусское наследие, вызывала неприятие властей и непонимание представителей секуляризованного знания. Это делало его несколько ершистым и язвительным в адрес тех, кто препятствовал публикациям его текстов. Мурьянов несколько раз посылал в журнал “Вопросы философии” свои высокопрофессиональные статьи, ибо понимал значение мудрости и испытывал к ней глубокую приязнь, но каждый раз получал отказ»<sup>3</sup>.

Прежде чем опубликовать даже совсем небольшую заметку, для доказательства своей и опровержения чужой мысли М.Ф. Мурьянов перерывал груды книг, выискивая и выверяя каждый факт. Объединение достижений естественных и гуманитарных наук, высекая заряд, давало новый творческий импульс, и это приводило к появлению вдохновенных этюдов.

Требовательность высокого класса (в первую очередь – к себе) в сочетании с всеядностью эрудита приводила к тому, что его, построенные непривычно, работы было очень трудно читать: слишком велики, иногда казалось – алогичны, были колебания маятника его мысли. Она уводила так далеко от исходного материала и первоначальной идеи, что, порой, его не просто не понимали, но, попросту, отказывались понимать.

При жизни он опубликовал почти 200 работ. Снова повторю, что огромное наследие: авторские работы (несколько фундаментальных монографий, статьи) и копии древних минейных рукописей – все это долго оставалось, а отчасти – и осталось, неизданным, хотя подготовленные им работы содержали тщательно выверенный материал и представляли собой перепечатанные или аккуратно переписанные рукописи, совершенно готовые к печати. Что останавливало автора? Почему все это богатство не было опубликовано при жизни? Думается, стремление к совершенству.

Никогда не забуду, как рождалась его статья об одной малоизвестной эпиграмме Пушкина<sup>4</sup>:

Напрасно я бегу к сионским высотам,  
Грех алчный гонится за мною по пятам.  
Так <?>, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,  
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

Выбор для анализа именно этой эпиграммы наводит на мысль об исповедальном подтексте, но на поверхности был интерес к эпитету бега «пахучий»<sup>5</sup>. Чтобы понять, почему Пушкин употребил это слово, Михаил Федорович отправился за консультацией к зоологам.

\* \* \*

Мы познакомились, как мне помнится, в 1984 году. Этому предшествовала драматическая история в жизни Михаила Федоровича, когда новый директор Института русского языка не захотел больше держать его «при дирекции», так что в результате он оказался в нашем отделе и должен был, как все мы, писать Словарь<sup>6</sup>. Ему удалось убедить руководителя отдела Галину Александровну Богатову дать ему время для завершения темы, которую он начал еще в недрах сектора С.И. Коткова. Речь шла о подготовке к печати Минеи Дубровского XI в. (Миней служебная Дубровского, месяц июнь, на пергамене – рукоп. РНБ, Ф. п. 1.36, л. 1–15).

Поскольку Мурьянов ничего не делал как все, он задумал совершенно необычное для того времени издание. Помимо собственно текста рукописи он подобрал и подготовил греческий оригинал и составил не просто славянский словоуказатель, но славяно-греческий с грамматическими харак-

<sup>1</sup> Новгородская служебная миней на май (Путьянина миней) XI в. / Изд. подгот. В.А. Баранов, В.М. Марков. Ижевск, 2003.

<sup>2</sup> Щеголева Л.И. Путьянина миней (XI век) в круге текстов и истолкования. 1–10 мая. М.: Территория, 2001.

<sup>3</sup> Громов М.Н. Философское значение древнерусской гимнографии // Мурьянов М.Ф. Гимнография Киевской Руси. М.: Наука, 2003. С. 8.

<sup>4</sup> Мурьянов М.Ф. О стихотворении Пушкина «Напрасно я бегу к сионским высотам» // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. М.: Наука. 1991. С. 164–180.

<sup>5</sup> Кстати, создатели «Словаря языка Пушкина» почему-то оставили это слово без толкования (см.: Словарь языка Пушкина. Т. 3. М.: Азбуковник, 2000 (переиздание). С. 301).

<sup>6</sup> Словарь русского языка XI–XVII вв. Издается с 1975 г.

теристиками славянских форм, мало того, он подготовил еще и греческо-славянский словоуказатель, причем каждая греческая форма имела грамматическую дефиницию на латинском языке. Ничего подобного у нас тогда никто не делал. Когда он предложил мне принять участие в разработке этой последней части, я не смогла устоять и согласилась. Согласилась потому, что этот человек открыл мне произведения, с которыми я сталкивалась, конечно, в своей работе, но не понимала ни их сложную структуру, ни, главное, глубинные смысловые и символические пласты гимнографической поэзии. Предлагая совместную работу, он, конечно, учитывал, в первую очередь мое классическое образование, но потом, к общей радости, обнаружилось, что мне интересно практически все, чем он занимался.

Сначала он устраивал мне осторожные, почти незаметные, экзамены: то подсовывал синтаксически трудное место в славянском переводе и просил меня перевести его и прокомментировать, то спрашивал мое мнение по какому-то вопросу, хитро при этом улыбаясь (явная ловушка), то просил письменно выразить только что высказанную мною мысль. Когда я удивлялась: «Зачем?» — объяснял, что есть сколько угодно людей, легко «болтающих», но, как только их просят на бумаге изложить сказанное, ничего не могут. По-видимому, я экзамен выдержала.

К началу нашей совместной работы относится его внимание к моему увлечению идеей древнеславянского и русского слова «образ», включающего целый спектр составляющих, начиная от этимологии, заканчивая понятийной системой, истоки которой восходят к античности. До сих у меня сохранилась цитата, написанная его рукой, из тогда еще не опубликованной Путьяиной Минее:

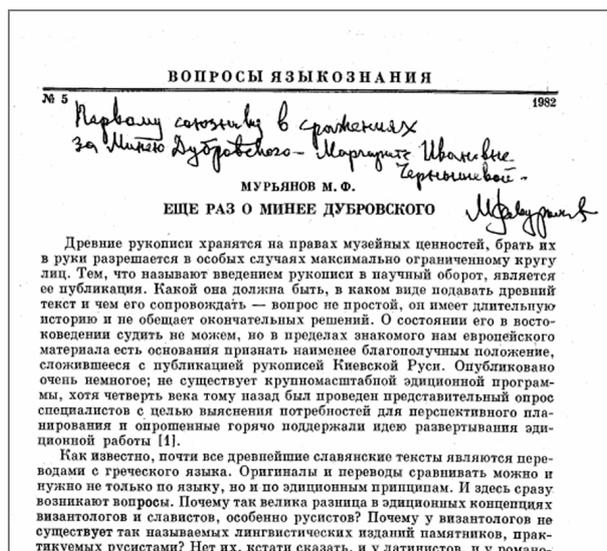
**Въскрѣсила кси, чьстьнаѧ, падъшжмоу моку образоу (τὴν πεπτωκυῖαν μου μορφήν), рождьши гавѣ виноу выше кстьства въскрсьеник** (вместо: **ВЪСКРСЬЕНИИ**) — ἀνέστῃσας, ᾧ Σεμίη, τὴν πεπτωκυῖαν μου μορφήν, τέξασα τὸν προφανῶς αἴτιον τῆς ὑπερφυοῦς ἀναστάσεως (Мин. Пут., л. 14. XI в.),

где мой образ — это ‘я’, т.е. ‘человек’. Всякий раз, воспроизводя это замечательное место, обязательно вспоминаю благодарным словом того, кто мне указал на него.

Я перепечатывала его греко-славянский указатель с дефинициями на латинском языке, правила, соотносила со славянским словоуказателем и т.д. Так мы работали довольно долго. Сначала я стеснялась делать замечания человеку, значительно старше меня, но постепенно как-то все наладилось. В этот период постепенно сложилось мое собрание оттисков работ Мурьянова с его дарственными надписями, особенно я дорожу надписью на оттиске статьи «Еще раз о Минее Дубровского»<sup>1</sup>: «Первому союзнику в сражениях за Минее Дубровского — Маргарите Ивановне Чернышевой». К сожалению, он не поставил рядом со своей подписью дату — это было время нашей совместной работы над «Минеей Дубровского».

Публикацию Минее Дубровского ожидала история, так и оставшаяся необъясненной: подготовленную Михаилом Федоровичем рукопись отправили в Германию, и она появилась в печати после его кончины, причем в соответствии с совершенно другими принципами<sup>2</sup>; славянский указатель упростили, а греческий вообще исключили; кроме того, неприятное впечатление производит Предисловие к изданию, полное опечаток. В довершение — первоначальная машинописная версия со следами нашей совместной работы каким-то образом исчезла и восстановить ее невозможно. Вдова М.Ф. Мурьянова Изольда Викторовна рассказала о еще одной непонятной ситуации, произошедшей с посланной ею в Германию февральской Минеей<sup>3</sup>.

Работая в нашем отделе, Михаил Федорович принял решение о защите докторской диссертации. Каким-то чудом у меня сохранилась машинопись обоснования темы и описание структуры будущей

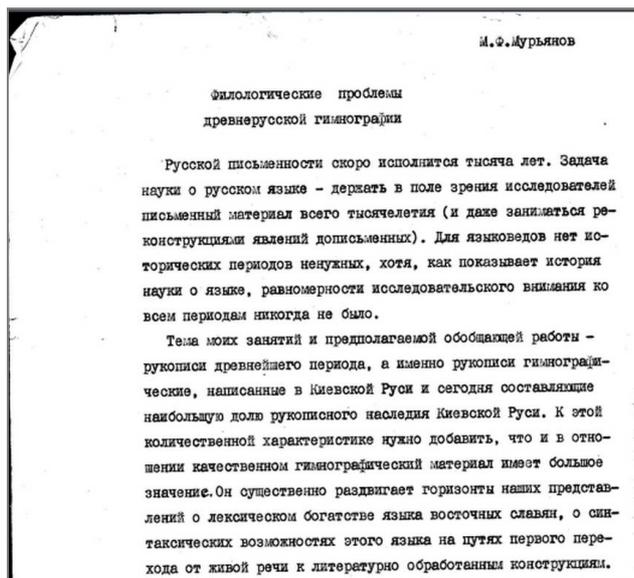


Фрагмент первой страницы статьи М.Ф. Мурьянова «Еще раз о Минее Дубровского» (Вопросы языкознания, 1982) с дарственной надписью. (Из архива М.И. Чернышевой)

<sup>1</sup> Вопросы языкознания. 1982. № 5.

<sup>2</sup> Rothe H., Hrsg. *Das Dubrovskij-Menäum. Besorgt und kommentiert von M.F. Mur'janov*. Opladen; Wiesbaden, 1999.

<sup>3</sup> Мурьянова И.В. М.Ф. Мурьянов и О.Н. Трубачев... С. 418.



Фрагмент первой страницы машинописного текста обоснования темы и будущей диссертации М.Ф. Мурьянова (Из архива М.И. Чернышевой)

диссертации с его подлинной подписью (стоит дата: 11 декабря 1984 г.). Тогда тема называлась «Филологические проблемы древнерусской гимнографии». Как теперь видно, тогдашний замысел был очень близок к окончательному.

Михаил Федорович делал попытки найти себя в нашем словарном деле: написал несколько словарных статей (особенно он увлекся словом память), потом переключился на создание картотеки выписок из гимнографических рукописей (часть картотеки сохранилась), но уже тогда было ясно, что Словарь – не его дело и он томится. В 1988 г. М.Ф. Мурьянов перешел в Институт мировой литературы РАН, где готовил к печати Путятину минуею и продолжал заниматься пушкинистикой.

Однажды (уже после его кончины) я сделала попытку проанализировать исследовательский метод Мурьянова (я не забывала его признаний в том, что он вынужден писать специально приносившим языком, и о том, что у каждого мастера есть свои тайны). Это случилось в 1999 г.,

в год пушкинского юбилея, когда неожиданно я получила приглашение выступить с докладом на юбилейной конференции в Институте русского языка. Тогда я предложила тему, звучавшую приблизительно так: «Исследовательский метод анализа лирики А.С. Пушкина в работах М.Ф. Мурьянова». Конечно, моя идея не была поддержана.

Но эта мысль не оставила меня.

Со временем я все больше и больше стала тянуться к тематике, обозначенной Мурьяновым. То ли интересы окончательно совпали, то ли я додумывала и додумываю услышанное и прочитанное, во всяком случае, постижение символики и смысла гимнографических произведений, в поэтической форме представляющих и выражающих средневековое христианское мировосприятие, не кажется мне «игрой в бисер» по нескольким причинам (не говоря уже о чисто профессиональной необходимости разбираться в предмете в связи с моей работой в крупнейшем историческом словаре русского языка, включающем многочисленные славянские переводы с греческого языка). Я назову только одну, понятную всем, причину: гимнографическое наследие имеет непосредственное продолжение в классической русской литературе, особенно в поэзии, забыв его, мы перестаем правильно понимать то, что оставлено классиками золотого и серебряного века.

\* \* \*

Исследовательский метод М.Ф. Мурьянова, используемый автором в статьях, отчасти можно проследить на «цветовом» материале. Чтобы правильно понять одну из его непростых работ «Золото в лазури» 1983 г.<sup>1</sup>, нужно знать о связи этой статьи с двумя другими: «Синие молнии» 1971 г.<sup>2</sup> и «К интерпретации старославянских цветообозначений» 1978 г.<sup>3</sup>. Только тогда ясна нить рассуждений автора. К решению вопросов о том, какие цвета использовали гимнографы и почему их так мало<sup>4</sup> в византийской литературе<sup>5</sup>, особенно – в гимнографии, и что такое «синий» в разных контекстах, автор подходит с разных сторон: демонстрирует необходимость учитывать взаимодействие словесного и изобразительных искусств (в том числе – роспись храмов), привлекает данные историков культуры, изучает фрески и состав красок, рассматривает старые репродукции утерянных росписей. Но, помимо решения конкретных задач данной статьи, он приходит к главному: для постижения средневековой мысли необходимо «вживаться в эпоху», поскольку даже у известных ученых «может быть

<sup>1</sup> Первое издание: Проблемы структурной лингвистики – 1981. М.: Наука, 1983. С. 265–278. Далее статья цитируется по переизданию: Мурьянов М.Ф. История... Ч. 1. С. 597–610.

<sup>2</sup> Первое издание: Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л., 1971. С. 23–28. Далее статья цитируется по переизданию: Мурьянов М.Ф. История... Ч. 1. С. 557–561.

<sup>3</sup> Первое издание: Вопросы языкознания. 1978. № 5. С. 93–109. Далее статья цитируется по переизданию: Мурьянов М.Ф. История книжной культуры. Ч. 2. С. 235–255.

<sup>4</sup> Знали, конечно, достаточно, а византийские мозаичисты – множество.

<sup>5</sup> Это удивление звучит в работе А.П. Каждана «Цвет в художественной системе Никиты Хониата» (Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Сб. в честь В.Н. Лазарева. М.: Наука, 1973. С. 132).

атрофирована способность читать средневековый текст глазами средневекового человека»<sup>1</sup>, поскольку для правильного понимания этого текста нужно отказаться от современных представлений и попытаться воссоздать «доньютоновское сознание», когда «группировки цветов проводились по принципу символики»<sup>2</sup>, а не в соответствии со спектральным порядком. Вслед за В. Леттенбаэром<sup>3</sup> М.Ф. Мурьянов повторяет, что «в исследованиях цветообозначений недостаточно этимологизировать... более результативным оказывается выяснение особенностей в духовном восприятии мира цветов»<sup>4</sup> (ниже он заметит, что в христианстве в IX–XII вв. складывался цветовой канон литургики<sup>5</sup>) и добавляет, что «нужно от формального оперирования прилагательными цветообозначений, этапа важного и нужного, продвигаться к более трудной задаче – филологической интерпретации контекста»<sup>6</sup>. В то же время, опираясь на последние научные достижения, исследователь включает в анализ сопоставление с реальными возможностями человека:

«человек с нормальным зрением способен различать до миллиона цветовых тонов»<sup>7</sup>.

Если проанализировать идею «света и славы», то поначалу кажется, что цветовая гамма в гимнографии укладывается, фактически, в три цветовых показателя: белый, черный, которые явлены отчетливо, и багровый, явленный опосредовано, – через указание на кровь. При этом два цветовых показателя совпадают со светом или его отсутствием: белый = светлый, темный = черный, т.е. в этом случае «свет» и «цвет» неразличимы. Но, фактически, присутствуют не три, а два цвета, поскольку признается только белый цвет, а черный мыслится его антисущностью, или – крайним пределом<sup>8</sup>. Это и есть главная средневеково-христианская оппозиция вообще: светлый (блестящий, сверкающий, сияющий и т.п., потом – истинный в отношении веры, подлинный и т.д.) – темный (мрачный, помраченный, почерневший и т.п., потом – неистинный, неподлинный в отношении веры, и потому – несущий в себе непонимание, невежественность и т.д.). Светлый – он же белый – служил в символическом плане для обозначения божественного света и божественного начала, позже – святости. (Сейчас опускаю еще один сюжет относительно того, что христианские теологи различали разные виды света. В «Слове на Крещение»<sup>9</sup> Григорий Назианзин (Богослов) говорит о 16 таких видах<sup>10</sup>). В науке существует даже понятие «византийская теология света»<sup>11</sup>. Свет, солнце («Солнце», «Солнце славы» и др.), огонь (во всех видах: пламя и т.д.) – единый символ Бога (у Григория Назианзина: Бог – первый свет). В словесном портрете, представленном в «Апокалипсисе» с толкованиями Андрея Кесарийского, очи Христа сияют, «подобно огненному пламени» (οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτοῦ ὡς φλόξ πυρός)<sup>12</sup>.

В реальном вещественном мире функцию света и сияния (блеска) выполняло золото. «Символ солнца – золото»<sup>13</sup>.

«Свет есть... символ божественного, но... особый, привилегированный символ. Как золото – “абсолютная метафора света”, так свет – “абсолютная метафора” Бога»<sup>14</sup>.

<sup>1</sup> К интерпретации старославянских цветообозначений. С. 252.

<sup>2</sup> Там же. С. 236.

<sup>3</sup> Вильгельм Леттенбаэр (Wilhelm Lettenbauer, 1907–1984) – немецкий славист. (Прим. ред.).

<sup>4</sup> К интерпретации старославянских цветообозначений. С. 235.

<sup>5</sup> Там же. С. 236.

<sup>6</sup> Там же. С. 253.

<sup>7</sup> Там же. С. 241. Опираясь на теорию цвета, автор сообщает, что существует около 10 млн. цветовых различий, которые могут быть описаны словами, указывающими направление изменения их цвета (сноска 36).

<sup>8</sup> Забегая вперед, вспомним сравнение Павла Флоренского трагедии Софокла «Царь Эдип» со светом: «Она [трагедия – М. Ч.] стягивается в точку, ослепительно сияющую и, как всякий ослепительный свет, она кажется черной» (Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-образительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. С. 223–224). За указание на это высказывание выражаю благодарность Д. Фомичевой.

<sup>9</sup> PG. Т. 36. Col. 360 ff. (PG – Migne J.P. *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Parisiis, 1857–1866. Т. 1–161).

<sup>10</sup> В греческом оригинале только первые три вида света имеют числовое значение, а остальные световые явления упоминаются в порядке перечисления, однако на полях рукописи славянского перевода (XI в.) на лл. 98 об.–100 введена нумерация и насчитывается 14 видов света (Будилович А. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи имп. Публ. 6-ки XI века. СПб., 1875; то же: Бруни А.М. Византийская традиция и старославянский перевод Слов Григория Назианзина. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010), однако в результате пропущенных частей то в оригинале, то в переводе, можно насчитать 16 фактов такого рода.

<sup>11</sup> К «теологии света» неоднократно обращался Е.М. Верещагин в своих работах, достаточно подробно в кн.: Древнейший славянский богослужебный сборник Ильина книга. Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием / Подг. Е.М. Верещагин. М.: Индик, 2006. Особенно – см.: С. 880–885.

<sup>12</sup> Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского, на пергамене. Рукоп. БАН, собр. Ник., № 1, 4, л. 1–108. XIII в. Л. 11 об.; греч.: PG, 106. Col. 228.

<sup>13</sup> Золото в лазури. С. 607 (сноска).

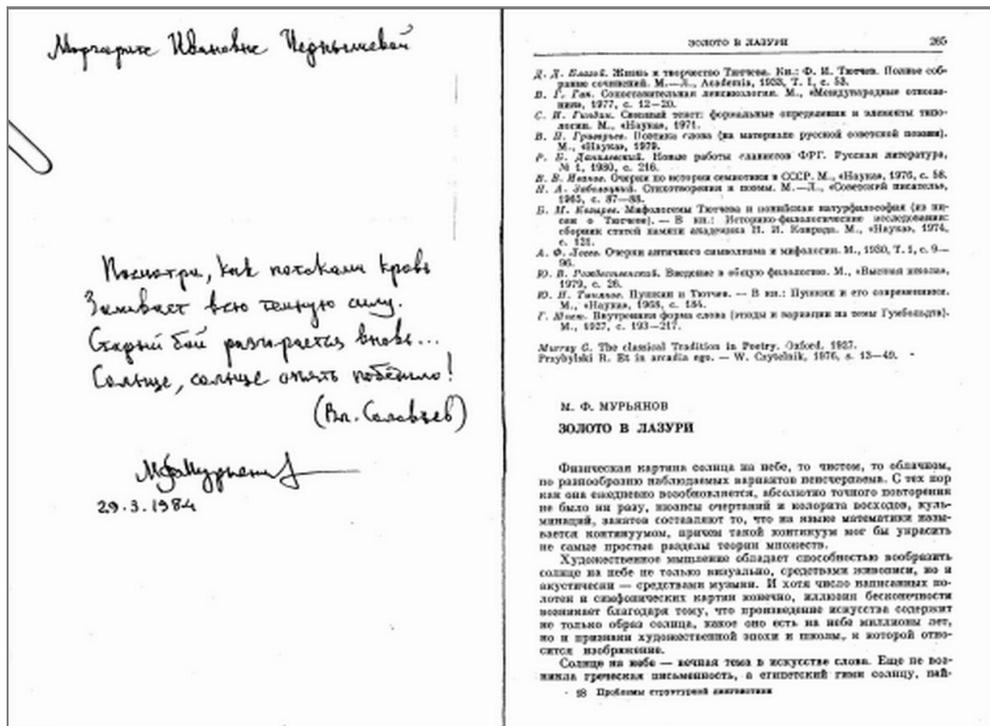
<sup>14</sup> Аверинцев С.С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: Сб. статей в честь В.Н. Лазарева. М.: Наука, 1973. С. 46.

Темный – он же черный (и, отчасти, темно-синий) представлял противоположное = противоборствующее дьявольское начало.

Второй (а не третий, как кажется поначалу) цвет – багор, багрец (старосл. **варъгъ**), пурпур, (пурпурная одежда называлась **поръфѣра**, **прапрѣда**, **прапрѣдѣ**) представляет собой цвет жертвенной крови.

Только учитывая символический смысл этих цветов становятся понятными те строки Вл. Соловьева, которые М.Ф. Мурьянов написал мне (без всякого комментария и пояснения) на дарственном оттиске статьи «Золото в лазури» (29.03.1984):

Посмотри, как потоками кровь  
Заливает всю темную силу  
Старый бой разгорается вновь...  
Солнце, солнце опять победило!



Автограф М.Ф. Мурьянова – дарственная надпись на первой странице оттиска статьи «Золото в лазури», датированная 29 марта 1984 г. (Из архива М.И. Чернышевой)

Когда читаешь три работы М.Ф. Мурьянова, посвященные цветообозначениям в древнеславянской литературе и византийско-славянской гимнографии, замечаешь, что символические «цветовые» формулы неявно присутствуют в ходе его рассуждения, автор незаметно их вкрапляет, но увидеть и понять это может только подготовленный читатель, или, как говорили прежде, «посвященный».

На время оставим в стороне цвета. В статье «Золото в лазури» приводятся две выписки, в которых появляется «светлое облако» (Путятина Минея, л. 6 – описание Воскресения Христова):

**Прѣкраснынъ Твонъ Снѣ  
Изъ гроба въснѣ тако снѣ  
Облакъ свѣтлъ пощимъ Тѣ показа  
Дво Бѣ  
Мироу Владѣце<sup>1</sup>**

(в греч. accusativus duplex: τοὺς νεφέλην φωτός σε ἀνψιμοῦντας – дословно: «воспевающих тебя облаком света»).

В другом месте Богородица названа «легким облаком» (феотокион третьей песни канона Юстину Философу, второго гласа, из нотированной Минеи XII в. – ГИМ, Синод.собр.. № 167, л. 3):

<sup>1</sup> Золото в лазури. С. 601.

Облаки души можа ражени,  
 Слънццо славы льгъкыи Ѡблакъ (κοῦφη νεφέλη)  
 и разоумно просвѣти  
 омраченик зълобы ѡтъмънено.

Следует комментарий автора:

«Легкое Облачко на чистой лазури<sup>1</sup>, рождающее Солнце, – это троп, которым обозначена Дева Мария, рождающая Младенца Христа. Целомудренный троп выдающейся красоты, не имеющий с чем сравниться за всю историю сюжета рождения в искусстве»<sup>2</sup>.

Средневековую христианскую символику Христа и Богородицы автор, конечно, знает, об этом можно судить по обширной библиографии, но говорит он о ней иначе:

«У византийского поэта – идея в чистом виде»<sup>3</sup>.

Можно напомнить, что два наиболее известных символа Богородицы<sup>4</sup> означают либо:

1) «источник света» (из которого исходит свет, т.е. Христос), так Богородица мыслится «светлым или светоносным светильником»:

«Дньсь, вѣрнии, раждактъсѧ Дѣица... свѣтѣльничъ свѣтъль (ἡ φωτοφόρος λυχνία «светоносный светильник»), иж неаже чѣкомъ Хсѣ жизнь и свѣтъ въсна» (8 сентября, Рождество Богородицы – Ил.кн.5, л. 5),

«свечой», «умной свечой» (τῆς λαμπάδος...τῆς ιοητῆς), «иж неаже въсипакъ свѣтъ неиздреченыи» (21 ноября, Введение Богородицы; Ил.кн., л. 56 об.),

2) либо (второй символ) «вместилище»<sup>6</sup>: Богородица может быть названа «селищем невещественного света» (ἀύλου φωτὸς οἰκητήριον) (Ил.кн., л. 112 об.), «ковчегом»<sup>7</sup> (или «новым ковчегом») (Ил.кн., л. 5), «сосудом света», «носителем Солнца» (Ил.кн., л. 5):

высть оубо чрѣво твое слнцѣное носило<sup>8</sup>... Хсѣ во слнцѣ (Χριστὸς γὰρ ὁ ἥλιος) (Мин. сентябрь. С. 081)<sup>9</sup>.

«Легкое облако» (льгъкыи Ѡблакъ), так восхитившее М.Ф. Мурьянова, – один из символов Богородицы, встречающийся не так редко, он входит в идею «вместилища»: «облако», «душевное облако» (ἡ ἔμψυχος νεφέλη) (Ил.кн., л. 5), «светлое облако, носящее Царя Славы» (Ил.кн., л. 5), «светлое облако, носящее Солнце-Христа» (Ил.кн., 16).

Таким образом, Солнце и светлое (легкое) облако<sup>10</sup> – один из парных символов Христа и Богородицы, как светильник и свет, свеча и свет, раковина и жемчужина<sup>11</sup> и др.). Только через 20 лет появился комментарий одного из ведущих современных гимнологов Е.М. Верещагина. В его рассуждении основная, символическая, трактовка дополнена библейскими ссылками и наблюдением

<sup>1</sup> Сейчас оставим в стороне «лазурь», которой в феотокионе нет.

<sup>2</sup> Золото в лазури. С. 604.

<sup>3</sup> Там же. С. 605.

<sup>4</sup> Полностью вся символика Богородицы сейчас не разбирается; подробнее: Борисова Т.С. Символы Богоматери в церковнославянском языке. Новосибирск, 2001.

<sup>5</sup> Миня праздничная, сентябрь — февраль («Ильина книга»). РГАДА. Ф. 381 (Син. Тип.) № 131.4. XI–XII вв.; изд.: Ильина книга. Рукопись РГАДА, (Тип.) № 131 / Лингвистическое издание, под. греческого текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько. М.: Индрик, 2005; Древнейший славянский богослужебный сборник Ильина книга. Факсимильное воспроизведение...

<sup>6</sup> С.С. Аверинцев соотносит это с архетипом «пещеры»: «Пещера предстает как ниша – или, в христианском образном ряду, – алтарная апсида, – и мрак ее освещен неугасимой лампадой» (Аверинцев С.С. От берегов Босфора до берегов Евфрата. Антология ближневосточной литературы. I тыс. н.э. М.: Мирос, 1994. С. 35–40).

<sup>7</sup> Толкование см.: Е.М. Верещагин. Ильина кн. С. 458.

<sup>8</sup> В греч. римской минее текст несколько иной.

<sup>9</sup> Месяц сентябрь // Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. Труд И.В. Ягича. СПб., 1886.

<sup>10</sup> Наряду с «облаком» Богородица могла быть также названа «новым небом», например, в Декабрьской минее XII в. (Rothe H., Vereščagin E.M., Hrsg. *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften sin. 152 des staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition. T. 3: 20 bis 24. Dezember.* Opladen, 1999. S. 733. Служебная минея за декабрь в церковнославянском переводе на основе рукописи ГИМ, Син. 162.).

<sup>11</sup> Подробнее об этом см.: Чернышева М.И. Уходящие слова, ускользящие смыслы. Историко-лексикологические исследования [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 10. Вып. 1: Пространство и время текста. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov\_e-ast10-1.2015.71.

грамматического характера:

«Лексема  $\nu\epsilon\phi\acute{\epsilon}\lambda\eta$  “облако”... женского рода, что позволяет произвести ее отнесение к Богородице. Аллюзируется Слава Господня (Шехина), которая в событии Исхода являлась как облако (Исх. 16, 10), бывшее предводителем на пути (Исх. 40, 36–37; Чис. 9, 16–22), причем по ночам это облако было огненным (Исх. 40, 38)»<sup>1</sup>.

Осталось только разобраться с «лазурью», которой нет ни в разбираемом феотокионе, ни в гимнографии.

«Лазурь» в трактовке М.Ф. Мурьяновым феотокиона появляется при подключении к словесному описанию Воскресения Христа воображаемых изобразительных средств:

«Понадобилась бы гениальная мера мастерства в живописной композиции, в технике колорита, чтобы это проиллюстрировать кистью – чудо солнца, вспыхнувшего не на горизонте, а как-то из земли, в центре ее изображения, превращение черной ночи в прозрачную лазурь со светлым облачком»<sup>2</sup>.

Раньше, в статье «К интерпретации старославянских цветообозначений» он нашел и историко-культурную информацию о лазури:

«Задолго до возникновения славянской государственности обитатели Северного Причерноморья разбирались в оценках синего: они были поставщиками самой дорогой – скифской – ляпис-лазури на римский рынок»<sup>3</sup>.

Н.А. Замятина приводит другие данные о добыче лазури (лазори): с начала XV в. – в Бадахшане (территория современных Афганистана и Ирака), а с конца XVII в. – в Сибири; по ее мнению, лазурь «из-за дороговизны в стенописи не использовалась, в иконописи употреблялась ограниченно, в основном применялась для мелкого письма и в миниатюрах рукописей»<sup>4</sup>. Тем не менее, все исторические словари русского языка<sup>5</sup> цитируют первое употребление слова *лазурь* (*лазорь*) в Ипатьевской летописи (сп. ок. 1425 г.), где под 1259 г. находится упоминание росписи лазурью:

**Гозда же цркъвь стго Ивана краснѣ и лѣпнѣ... И выспрь же вѣрхъ украшенъ . звѣздами златыми на лазурѣ**<sup>6</sup>,

еще одно свидетельство находится в описании рая в Софийской первой летописи (сп. XV в.):

**...Принесло нхъ къ высокимъ горамъ, и видѣша на горѣ той написанъ Деисусъ лазоремъ чуднымъ и велми издивленъ паче мѣры, яко не человекъскими рукама творенъ, но Божию благодатию**<sup>7</sup>.

Кстати, иногда краску голубого цвета получали путем смешения белил и «сини» (по мнению Н.А. Замятиной, крутика<sup>8</sup>), ее тоже называли *лазорь*:

**Положи белил... двѣ части и сини единѣ... и будетъ лазор.** Сим.Обих.книгоп<sup>9</sup>, 42. XVI–XVII вв.

Известный искусствовед А.Н. Овчинников, опустив черный цвет как противоположный белому (антисвет = антицвет), утверждает, что в византийской и древнерусской иконографии представлена иерархия светов (и, соответственно, цветов), где первое место занимали белый и золотой, второе – красный, третье – синий (лазурь)<sup>10</sup>. Отец Павел Флоренский сформулировал<sup>11</sup> вполне определенно:

<sup>1</sup> Верещагин Е.М. Ильина кн. С. 459. Исследователи используют разную терминологию: то, что Е.М. Верещагин называет «библейскими аллюзиями», Р. Пиккио именуется «библейскими ключами» (Picchio R. "The Function of Biblical Thematics Clues in the Literary Code of Slavia Orthodoxa." *Slavica Hierosolymitana. Slavic Studies of the Hebrew University*. Eds. L. Fleischman, O. Ronen, D. Segal. Jerusalem, 1997, volume 1, pp. 1–33; перевод: Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // *Slavia orthodoxa*. Литература и язык. М.: Знак, 2003. С. 431–473).

<sup>2</sup> Золото в лазури. С. 602.

<sup>3</sup> К интерпретации старославянских цветообозначений. С. 254.

<sup>4</sup> Замятина Н.А. Терминология русской иконописи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90.

<sup>5</sup> Например: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. IV. М.: Русский язык, 1991. С. 387.

<sup>6</sup> Ипатьевская летопись. Изд. 2-е // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908; сп. перв. четв. XV в. [воспроизв. текста издания 1908 г.: М.: Изд-во АН СССР, 1962]. С. 843 (л. 281 об.).

<sup>7</sup> Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 88.

<sup>8</sup> Замятина Н.А. Терминология... С. 154, 87–88.

<sup>9</sup> К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV–XVII столетий / Собрал и снабдил вводной статьей и объяснит. примеч. П. Симони. Вып. 1. Тексты и примеч. I–XXI. СПб., 1906.

<sup>10</sup> Овчинников А.Н. Символика христианского искусства. М.: Родник, 1999. С. 107.

<sup>11</sup> Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 558, 559.

«Лазурь в своем абсолютном значении представляет небесную истину... и символ бессмертия».

Как видим, и для иконографии, и для гимнографии существует иерархия из **трех** главных светов = цветов. Первый: **белый, светлый (= золотой)**<sup>1</sup> (противоположный антисвет = цвет – черный, темный), он может обозначаться также через указание на ключевое слово-понятие: **свет** или **солнце** (противоположное: тьма). Два других цветообозначения выступают преимущественно *косвенно*: **багровый** – через слово-понятие: **кровь**, т.е. цвет крови (при жертве, мученичестве), окрашенная цветом крови одежда (само прилагательное в гимнографии встречается нечасто); и, наконец, – **лазурный**, явленный через указание на **небо**. Это и есть источник отсутствующей в гимнографии «лазури» М.Ф. Мурьянова, которого так вдохновило название цикла А. Белого «Золото в лазури». «Солнце на небе – вечная тема в искусстве слова»<sup>2</sup>, – говорит автор на первой странице разбираемой статьи.

\* \* \*

Но это еще не все. Первая строчка феотокиона: **Облаки души мокга ражени** – побудила автора сделать следующий шаг – указать на стремление человека избавиться от «загрязнения души», которое приходит в ходе «самоанализа», совпадающего с воспринятой христианством совестью, – об этом автор прямо нам ничего не говорит. Он ссылается на евангельский (2 Кор. 3, 18; 1 Кор. 13, 12; Иак. 1, 23) и святоотеческий авторитеты (приводит высказывание Афанасия Александрийского: «когда душа избавляется от всякой нечистоты греха, распространившейся в ней... она созерцает в самой себе, как в **зеркале** – ὡς ἐν κατόπτρῳ – Логос»). Такое указание рассчитано на подготовленного читателя, которому известно, что в восточно-христианской литературе зеркало помимо функции отражения имело еще символическую нагрузку, включающую представление о совести = зеркале<sup>3</sup>, что подразумевало, в свою очередь, осуществление функции очищения, с одной стороны, и назидания, с другой. Именно этим вопросам было посвящено произведение Филиппа Монотропа «Диоптра» (т.е. «зеркало»), переведенное славянами и с XIV в. известное на Руси<sup>4</sup>, где его чаще называли «Душеполезное зеркало». Однако, по справедливому признанию самого М.Ф. Мурьянова, «в феотокионе зеркало не названо»<sup>5</sup>. Автор опять (как и в случае с лазурью) знает о незримом присутствии в поэтическом подтексте этого символа. В феотокионе говорится об осознании греховности, что включает в себя молитвенное стремление к «просветлению» = «просвещению»:

и оумъ мон свѣтомъ настави, почерненіемъ злобы шмраченныи<sup>6</sup>.

Здесь вся символика на своем месте: **Солнце славы** – Господь, **Легкое облако** – Богородица, **свет и просвещение** – приобщение к Божественному началу, **мрак, злоба, почернение** – противоположное, разрушительное, в том числе греховное, начало в человеческой душе и уме. Но, как только мысль обратилась к «уму» (**оумъ мон свѣтомъ настави**), тут же незримо возникло нравственное мерило – зеркало = совесть<sup>7</sup>. Упомянув зеркало, он дал знак, который нельзя пропустить.

Если мы еще не забыли, что золото есть символ Божественного начала, тогда мы поймем, почему статью автор завершает строками А. Белого из его цикла «Золото в лазури»:

В сердце бедном много зла  
Сожжено и перемолото.  
Наши души – зеркала,  
Отражающие золото.

Sapienti sat<sup>8</sup>.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. РГАДА. Ф. 381 (Син. Тип.) № 131.4 Минея праздничная, сентябрь — февраль («Ильина книга»).
2. Рукоп. БАН. Собр. Ник. № 1, 4. Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского, на пергамене. Л. 1–108.
3. Аверинцев С.С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь.

<sup>1</sup> О функционально-символической нагрузке золота и золотого цвета в гимнографии нужно говорить особо.

<sup>2</sup> Золото в лазури. С. 597.

<sup>3</sup> Автор попутно замечает, что «теория отражения на стадии ее предистории в нашей науке совершенно не исследована» (Золото в лазури. С. 608).

<sup>4</sup> Диоптра. Антропологическая энциклопедия православного Средневековья / Изд. подг. Г.М. Прохоров, Х. Миклас, А.Б. Бильдюг. М.: Наука, 2008 (в издании воспроизводится греческий оригинал и славянский перевод).

<sup>5</sup> Золото в лазури. С. 609.

<sup>6</sup> Завершающие стихи взяты из печатной Служебной минеи 1913 г. (Золото в лазури. С. 604).

<sup>7</sup> Смысловая трактовка названия древнерусского «Мерила праведного» (XIV в.), присутствующая в его пространном заголовке, включает понятие **зерцало свѣсти** (Мерило праведное по рукописи XIV в. / Изд. под наблюдением и со вступительной статьей М.Н. Тихомирова. М.: Изд. АН СССР, 1961. Л. 2).

<sup>8</sup> Умному достаточно (лат.). (Прим. ред.).

- Западная Европа. Искусство и культура: Сб. статей в честь В.Н. Лазарева. М.: Наука, 1973. С. 43–52.
4. Аверинцев С.С. От берегов Босфора до берегов Евфрата. Антология ближневосточной литературы. I тыс. н.э. М.: Мирос, 1994.
  5. Борисова Т.С. Символы Богоматери в церковнославянском языке. Новосибирск, 2001.
  6. Бруни А.М. Византийская традиция и старославянский перевод Слов Григория Назианзина. М.: ИВИ РАН, 2010.
  7. Будилович А. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи имп. Публ. 6-ки XI века. СПб., 1875.
  8. Диоптра. Антропологическая энциклопедия православного Средневековья / Изд. подг. Г.М. Прохоров, Х. Миклас, А.Б. Бильдог. М.: Наука, 2008.
  9. Древнейший славянский богослужебный сборник Ильина книга. Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием / Подг. Е.М. Верещагин. М.: Индрик, 2006.
  10. Замятина Н.А. Терминология русской иконописи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90.
  11. Ильина книга. Рукопись РГАДА, (Тип.) № 131 / Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько. М.: Индрик, 2005.
  12. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908.
  13. Ипатьевская летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
  14. К истории обихода книгописца, переплетчика и икононого писца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV–XVII столетий / Собрал и снабдил вводною статьею и объяснит. примеч. П. Симони. Вып. 1. Тексты и примеч. I–XXI. СПб., 1906.
  15. Каждан А.П. Цвет в художественной системе Никиты Хониата // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Сб. в честь В.Н. Лазарева. М.: Наука, 1973. С. 132–135.
  16. Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981.
  17. Мерило праведное по рукописи XIV в. / Под наблюдением и со вступ. ст. М.Н. Тихомирова. М.: Изд. АН СССР, 1961.
  18. Месяц сентябрь // Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. Труд И.В. Ягича. СПб., 1886.
  19. Мурьянов М.Ф. Время (понятие и слово) // Вопросы языкознания. 1978. № 2. С. 52–66.
  20. Мурьянов М.Ф. Гимнография Киевской Руси / Отв. ред. М.Н. Громов, Т.А. Исаченко. М.: Наука, 2003.
  21. Мурьянов М.Ф. Еще раз о Минее Дубровского // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 90–94.
  22. Мурьянов М.Ф. Золото в лазури // Проблемы структурной лингвистики – 1981. М.: Наука, 1983. С. 265–278.
  23. Мурьянов М.Ф. Из наблюдений над структурой служебных Миней // Проблемы структурной лингвистики. 1979. М.: Наука, 1981. С. 263–278.
  24. Мурьянов М.Ф. История книжной культуры России. Очерки: В 2 ч. / Сост. Т.А. Исаченко. СПб.: Мирь, 2007.
  25. Мурьянов М.Ф. К интерпретации старославянских цветообозначений // Вопросы языкознания. 1978. № 5. С. 93–109.
  26. Мурьянов М.Ф. К культурным взаимосвязям Руси и Запада в XII веке // *Ricerche slavistiche* 1966. Т. XIV. С. 29–41.
  27. Мурьянов М.Ф. О Минее Дубровского // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 121–141.
  28. Мурьянов М.Ф. О работе И.В. Ягича над служебными минеями 1095–1097 гг. // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 93–105.
  29. Мурьянов М.Ф. О стихотворении Пушкина «Напрасно я бегу к сионским высотам» // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. М.: Наука. 1991. С. 164–180.
  30. Мурьянов М.Ф. Сила (понятие и слово) // Этимология 1980. М.: Наука, 1982. С. 50–56.
  31. Мурьянов М.Ф. Синие молнии // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л.: Наука, 1971. С. 23–28.
  32. Мурьянова Л.В. М.Ф. Мурьянов и О.Н. Трубочев // Академик Олег Николаевич Трубочев. Очерки. Материалы. Воспоминания / Отв. ред. Е.П. Чельшев. М.: Наука, 2009. С. 414–418.
  33. Новгородская служебная минея на май (Путятинна минея) XI в. / Изд. подгот. В.А. Баранов, В.М. Марков. Ижевск, 2003.
  34. Овчинников А.Н. Символика христианского искусства. М.: Родник, 1999.
  35. Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // *Slavia orthodoxa*. Литература и язык. М.: Знак, 2003. С. 431–473.
  36. Путятинна Минея на май // *Palaeoslavica*. 1998. Т. VI. С. 130–192.
  37. Путятинна Минея на май // *Palaeoslavica*. 1999. Т. VII. С. 140–206.
  38. Путятинна Минея на май // *Palaeoslavica*. 2000. Т. VIII. С. 127–221.
  39. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. IV. М.: Русский язык, 1991.
  40. Словарь языка Пушкина. Т. 3. М.: Азбуковник, 2000.
  41. Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853.
  42. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993.
  43. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1914.
  44. Чернышева М.И. Уходящие слова, ускользающие смыслы. Историко-лексикологические исследования [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 10. Вып. 1: Пространство и время текста. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovgt\_e-ast10-1.2015.71.
  45. Щеголева Л.И. Путятинна минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1–10 мая. М.: Территория, 2001.
  46. Migne J.P. *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Parisiis, 1857–1866, t. 1–161.
  47. Mur'janov M.F. "Andreas der Erstberufene im mittelalterlichen Europa." *Sacris Eruditi. Steenbruge XVII.2* (1966): 411–427.
  48. Picchio R. "The Function of Biblical Thematics Clues in the Literary Code of Slavia Orthodoxa." *Slavica Hierosolymitana. Slavic Studies of the Hebrew University*. Eds. L. Fleischman, O. Ronen, D. Segal. Jerusalem, 1997, volume 1, pp. 1–33.
  49. Rothe H., Hrsg. *Das Dubrovskij-Menäum. Besorgt und kommentiert von M.F. Mur'janov*. Opladen; Wiesbaden, 1999.
  50. Rothe H., Vereschagin E.M., Hrsg. *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften sin. 152 des staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition. T. 3: 20 bis 24. Dezember*. Opladen, 1999.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Чернышева, М. И. М.Ф. Мурьянов и его статья «Золото в лазури» / М.И. Чернышева // Пространство и Время. — 2015. — № 4(22). — С. 182—194. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provrt\_st4-22.2015.81.